Замуж подшофе

Автор:
Анастасия Акулова

Замуж подшофе

Анастасия Акулова

Когда я тем вечером впервые в жизни отправилась в кабак, ощущая полнейшую безысходность, то совсем не ожидала встретить там графа Рохана, с которым мы при каждой встрече обмениваемся ядовитыми плевками. Но еще меньше я ожидала услышать от него… – Давай поженимся? – …?! Зачем? – Всех кондратий хватит. – …Давай.

Анастасия Акулова

ЗАМУЖ ПОДШОФЕ

ПРОЛОГ

Мне больно – значит, я жива,

И, значит, всё ещё дышу.

Пускай в душе моей зима —

Я никому не расскажу.

Мне больно – значит, сердце есть,

И, значит, есть чему болеть.

Всем тем, кто мучил, одна месть:

Я всё смогу преодолеть.

Крутанувшись вокруг себя и игриво взмахнув пышными юбками, эрра Вайолет Хайдсток (или просто Вайли, как звали её домашние) капризно надула розовые губки и тут же удовлетворённо улыбнулась себе любимой. Отражение в зеркале в полный рост показывало красивую, словно фарфоровая статуэтка, нежную блондинку с томным взглядом ярко-голубых глаз… и где-то на заднем фоне, совсем не вписываясь в чудесную картину, маячила я. С тем самым невольным ироничным выражением на не столь совершенных чертах, которое мама называла «природной шалопаистостью». Подобный сценарий повторялся каждые полчаса, поэтому я точно знала, какой вопрос сейчас прозвучит.

– Как я выгляжу? – Невесомыми касаниями поправляя высокую причёску, спросила эрра, пока я безуспешно пыталась подавить зевок.

О все демоны тьмы, меня уже раздражает предсказуемость. Казалось бы, посреди всех треволнений, обрушившихся на мою семью, подобное вообще никак не должно волновать, но… нервы, что тут скажешь. Я в последнее время то сверхчувствительна, как беременная с токсикозом, то не в самый подходящий момент впадаю в прострацию.

– Превосходно! – заученно отозвалась, выдав преувеличенно широкую улыбку. – Эррт Рохан упадёт к вашим ногам.

«Так же, как к ногам всех девушек чуть симпатичнее обезьяны» – добавила про себя.

Однако внутреннее чувство справедливости вдруг зашевелилось в спячке и нашептало, что я лгу самой себе: старший сын графа Рохана был предметом многих девичьих грёз, известным повесой, но благородные эрры и простые алли сами летели к нему, как мотыльки на огонь.

И я… когда-то.

Мотнув головой, отогнала лишние мысли и воспоминания, позволяя искреннему и взаимному отвращению съесть глас разума и честности. Съело, к слову, даже не подавившись.

– А платье? Мне кажется, тут катастрофически не хватает кружев. – Вайли прикладывала к платью различные кружева, которые были явно лишними, потому что наряд сам по себе был слегка аляповатым и приторным: она в нём походила на диковинную пироженку с туго перетянутой талией и крыльями-опахалами ресниц. Эрра вообще обожала перебарщивать в одежде с пышностью юбок, с оборками, кружевами, бантиками и прочей ерундой, которая хороша не всегда и в меру. Этот «детский» стиль портил её красоту, а ведь она при желании и хотя бы толике фаннтазии могла бы перевоплотиться в роковую красавицу, каковой себя считала, или в нежную, но обладающую вкусом фиалку, но в итоге так и оставалась пироженкой, несмотря на поразительно стройную фигурку. Однако это не моё дело, моё дело – улыбаться и кивать, что являлось единственным способом спокойно сосуществовать с Вайли столько времени.

К счастью, в этот раз мне не пришлось переступать через свои эстетические чувства, так как эрре Пироженке мой ответ был явно не нужен. Про себя я иногда её так называла, с изрядной долей сарказма, но всё же надеясь, что никогда не назову её так вслух, иначе это наикапризнейшее кондитерское изделие совсем неэлегантно скушает мой мозг. Или уволит, ведь я, Алиенора Гренвилл, дочь некогда богатого барона, теперь являюсь её гувернанткой, и моя семья, к сожалению, ныне полностью зависима от получаемого мною жалования.

Спросите, как я, воспитанная и образованная лучше многих высокопоставленных эрр эсса, к тому же обладающая каким-никаким магическим даром и имеющая красные дипломы магического лицея и королевской Академии магии, докатилась до жизни такой? Отвечу излюбленной отмазкой всех проштрафившихся: жизнь – сложная штука. Или просто таинственно промолчу. Хотя бы потому, что несмотря на все нюансы, связанные с моей «рабской» кровью (то есть с моими предками со стороны матери), если бы кто-нибудь полгода назад сказал мне, что мы с семьёй окажемся в таком положении, я бы только рассмеялась ему в лицо…

– Нора? – Видимо, уже не в первый раз возмутилась моей задумчивости княжна. – В каких облаках ты витаешь? Пришей эти кружева вот сюда и сюда, справься у дворецкого, не приходил ли мой жених и принеси в сад кофе со сливками. – раздав указания, гордо удалилась, шурша юбками и оставив тяжёлый шлейф сладкого цветочного аромата духов.

Я кисло поморщилась. Вот хоть убейте, не понимаю, что могло охламона Рохана-младшего привлечь в девушке, для которой не существовало ничего, кроме тряпок и собственного сиятельного «я». Принято считать, что ловеласы вроде него как раз и ведутся на подобную мишуру, но меня всё же подтачивал червячок сомнения. Он сволочь, для которого всё в этом мире продаётся и покупается, но не дурак. Конечно, их магическая помолвка заключена волей их отцов, но ведь он всегда так бережен с ней… прохладно-вежлив, но бережен, словно она была хрупким стеклянным цветком, и словно каждый её взгляд имел какой-то особый смысл… Или мне только казалось?

Ведь мои чувства для него всегда были пустым звуком…

Демоны, да какое мне теперь дело?!

Отвесив себе мысленную оплеуху, злясь на себя, я достала нитки, подобрала нужные, и, сделав один аккуратный стежок, с помощью магии отправила кружева пришиваться самостоятельно. У меня всегда неплохо получались такие трюки, что немудрено, ибо я маг-бытовик. Да, отнюдь не самый внушительный дар, почти не котирующийся на рынке невест, но всё же лучше, чем ничего, и я его развила до совершенства. Теперь он спасал меня, так как слуг в нашем поместье пришлось распустить.

Забежав на кухню, дождалась, пока сделают кофе и направилась к дворецкому. Вообще-то еду должны приносить служанки, но когда никого больше под рукой не оказывалось, эрра давала подобные поручения мне. Я не жаловалась, потому что и зарплата моя была больше, чем у обычных гувернанток.

Снова застряв в облаках, я и не заметила, как на повороте врезалась в кого-то, идущего навстречу. От неожиданности выронила блюдце с чашечкой, под звон разбивающегося фарфора наблюдая, как по рубашке и дорогому бархатному камзолу незадачливого встречного расползается кофейное пятно.

Однако добрая половина охватившего было меня чувства вины испарилась, когда я подняла голову и узнала эррта Рохана.

– И почему я не удивлён? – фыркнул он, метнув в меня умеренно злобный взгляд.

– Может, потому что у снобов вроде вас эмоциональный диапазон меньше, чем у зубочистки? – предположила я.

– Неужели ты знаешь названия средств гигиены? Вот тут действительно удивила.

Ах ты бледная поганка! Ну, знаешь ли!..

Опасно сузила глаза, но он лишь усмехнулся.

– Может, таки уберёшь это пятно? Ты, кажется, маг-бытовик.

Ага, ещё и спинку вашу барскую не потереть, нет?

– А вы, кажется, были лучшим адептом на курсе? Вот и проявите самостоятельность. Открою вам велииикую тайну: убрать свежее пятно может любой маг при наличии хотя бы толики ума и фантазии… хм, хотя да, о чём это я. Эрра ждёт вас в саду.

Он смотрел насмешливо, как бы говоря: «Ха-ха! Вот такой у тебя, значит, дурной вкус».

«Подобные недостатки, к счастью, имеют свойство проходить с возрастом» – так же молча отвечала я ему взглядом.

И, взмахом руки собрав осколки, ушла, сверкая злобной, но довольной улыбкой, которая всегда исподволь появлялась на моём лице после подобных встреч.

Их, к слову, в последние полгода было немало, потому что этикет обязывал эррта видеться с невестой и будущим тестем по нескольку раз на неделе. Я была уверена, что годы, прошедшие после окончания Академии избавят меня от подростковых чувств и вспыльчивости, но нееет. Я очень быстро обнаружила, что меня по прежнему не оставляет равнодушной само присутствие одной надменной сволочи, а за словом в карман лезть не приходилось. Иногда мне казалось, что время повернулось вспять, и я снова переживаю тот страшный месяц перед окончанием учебного года, когда внутри всё горело от боли, стоило мне увидеть его… особенно рядом с ней. С княжной, которой я теперь

вынуждена служить.

Конечно, теперь всё не так. Мне больше не снятся сладкие сны, где он признаётся, что те его слова были всего лишь жестокой шуткой, где мы снова вместе. Я больше не просыпаюсь в слезах, и он давно уже не кажется мне единственным мужчиной во вселенной. Но каждый раз, когда вижу его, так и крутится в голове…

– Да ладно, Нора, ну что такого? – на губах его тогда играла циничная улыбка. – Скажи ещё, что ты надеялась на что-то большее. Ты – фаон, помнишь? Потомок рабов. И маг никудышный. Я ещё не тронулся умом, чтобы всерьёз ухаживать за кем-то вроде тебя. Но было весело.

…и мне хочется убивать.

ГЛАВА 1

Солнечный день тысячью бликов преломлялся на цветных фресках, коими были украшены стены уютной гостиной. Они изображали, кажется, сцену из красивого древнего мифа о рождении Магии. Чуть далее гордо висел портрет основателя рода Рохан в позолоченной, инкрустированной мелкими бриллиантами раме и во всю стену длиной. Маленькие пухлые софы рассыпались по углам, а красивый белый камин и дорогой айрескханский ковёр, в мягком ворсе которого буквально утопали стопы, поражали взор. Гостиная, несмотря на свою величину и роскошь, была очень уютной. Как, впрочем, и вся обжитая часть этого огромного древнего родового замка, комфорт и защита которого подпитывалась магией хозяина. Таковым с недавних пор был эррт Кайрат, граф Рохан.

Он сидел на одном из мягких угловых диванчиков, стараясь подавить усталость и перебирая почту. Высокий брюнет лет двадцати шести-двадцати семи на вид, одетый в чёрный бархатный камзол, широкоплечий и остроносый, он не обладал классически красивыми чертами и ненавидел современную придворную моду (ему претили длинные волосы и кричаще яркие расцветки в одежде у аристократов-мужчин), но дамы как-то не обращали на это внимание. Сложно сказать, что было тому виной – харизма, остроумие, головокружительная карьера, сила или же деньги и титул – но успехом у противоположного пола он

пользовался всегда, и был этим весьма доволен. Порой даже слишком. Отчасти, может быть, этим объясняется то почти нездоровое желание отца поскорее его женить.

Магическую помолвку Кая с эррой Хайдсток их отцы заключили, когда ему было двадцать, но узнал он это, к счастью или к сожалению, только несколько лет спустя, перед самым окончанием Академии. Но граф скончался, сломав шею во время верховой прогулки, и теперь у Кая было право распоряжаться своей судьбой самостоятельно.

Несмотря на отчуждение и уйму разногласий, существовавших между ними, молодой маг, конечно, был опечален внезапной смертью отца. И хотя граф всегда был совершенно равнодушен к сыну, относился к нему как к дорогому коллекционному предмету интерьера, всё же он был последним живым родственником у Кая. Остальные так или иначе оставили этот мир, когда он был ещё ребёнком или задолго до его рождения.

Как бы то ни было, прошлого не изменишь, и теперь Кайрат остался последним из рода Рохан. Впрочем, это обстоятельство позволяло ему быть почти уверенным в том, что никто не возьмётся со скандалами оспаривать завещание, как это бывает в любой мало-мальски богатой семье после смерти главы. Но это не уменьшало количество свалившихся на его голову проблем в виде старых отцовских долгов и трудностей управления колоссальным хозяйством. И всё это в довесок к придворной службе и должности советника. По окончанию Академии у Кая и так было мало свободного времени, а теперь его не осталось совсем.

Благодаря всему вышеперечисленному возможность, наконец, покончить с этой проклятой помолвкой появилась много позже. По правде говоря, он и не торопился, потому что эта помолвка оставалась единственным ограничением, кое-как сдерживающим матримониальные планы на него у всех родовитых семей королевства, где имелись незамужние дочери. Возможно, если бы этикет не предписывал обязательных дежурных встреч с невестой, если бы король не намекал, что титул герцога достанется Каю только когда он наконец женится, как это принято, и если бы Вайли была чуть менее раздражающей особой, он бы с радостью отложил решение этой проблемы на неопределённый срок. Но на роль фиктивной жены, которая ему нужна, Вайли подходила меньше всего.

Жениться по расчёту всерьёз пока что не хотелось категорически. Или пусть уж будут чувства, хотя бы отдалённо напоминающие любовь, или холостяцкая

жизнь с кучей любовниц до тех пор, пока необходимость заводить законного наследника не встанет в полный рост.

Кажется, вся его жизнь проходит в вечном беге. Мать умерла при родах, дав ему жизнь, отец сбагрил на попечение нянькам и учителям, и на том успокоился. От людей, среди которых Кай рос, не приходилось ждать ни любви, ни даже снисхождения – только каменное равнодушие, даже более пустое, чем у гранитного памятника. И он убегал – от этих людей, от какого-то долга, о котором они постоянно говорили, от обиды и непонимания. Всё это казалось сценой из дешёвой трагедии, но, видя мельком счастливые семьи крестьян, живущих на территории их графства, Кай отчаянно завидовал, медленно выдавливая эту зависть и одиночество, словно гной из раны. Но, стоит заметить, жажда получить-таки отцовское внимание была в своё время прекрасным стимулом: с малолетства Кай целыми днями проводил за учёбой, физическими упражнениями, верховой ездой, фехтованием и всем прочем, что положено знать и уметь каждому отпрыску благородного дома. Но даже когда в нём открылся огромный магический потенциал, отец только снисходительно улыбнулся и отправил его учиться в Академию. Там Кай стал лучшим студентом курса, но старался учиться лучше уже чисто из-за жажды знаний, честолюбия и спортивного интереса. «Королём» среди однокурсников он не был и никогда не стремился, потому что такие «золотые» парни в большинстве своём были набитыми дураками, ослеплёнными чувством собственной значимости, и нередко Кай улавливал в себе приступы мизантропии. Что, в общем-то, не удивительно, учитывая то, как он привык к одиночеству. Предпочитал книги шумным компаниям, друзей у него было не так уж много, но в те редкие случай, когда отправлялся веселиться – куролесил знатно. Среди девушек слыл бабником, что, как ни странно, не отпугивало их, а скорее привлекало.

Теперь в его образе жизни мало что изменилось. Конечно, он стал серьёзнее – всё-таки политик и учёный, но порой бывал несдержан в словах и оценках и склонен к сомнительным закулисным авантюрам, что порой выливалось в неприятности. Но, по крайней мере, он старался быть ответственным и прогрессивным, тогда как «коллеги» порой более чем халатно относились к своим обязанностям, банально используя своё положение для личных выгод, и оставались тошнотворно консервативными. По-прежнему смотрели на крестьян и простых горожан как на говорящий скот, а в вопросах брака придерживались мнения, что женитьба на простолюдинке, даже если она из обеспеченной благополучной семьи и не обделена магическими способностями – смерти подобно.

Кайрат никогда не вступал в подобные споры, если это не касалось политически важных решений, и только пожимал плечами, когда слышал подобные речи. Этот вопрос интересовал его только с научной точки зрения, и он был в команде тех учёных, которые исследовали магические способности, их наследование и влияние на потомство. Их работа, опровергающая теорию о том, что потомственные маги-аристократы сильнее магов-простолюдин (вне зависимости от того, родовой ли их дар или приобретённый), мягко говоря, не имела успеха в Энагане и многих других королевствах. Только в некоторых странах предубеждения не помешали обществу рассмотреть её всерьёз.

С тех пор Кайрату пришлось завязать с исследованиями такого рода, но сам он лишился предрассудков на этот счёт, которые в детстве ему старательно прививали. К счастью или к сожалению, привычка многое ставить под сомнение так и осталась с ним, иногда принося пользу, иногда – лишние проблемы.

В любом случае, Вайолет и мажорки вроде неё давно уже не прельщали Кая. Может, сказывался придворный «стаж» и количество любовниц из этого круга, но даже светский лоск, приятная манерность, отличавшие этих барышень, начали его раздражать, казались напускными. К тому же, они в большинстве своём были невыносимо капризны, да и фиктивный брак им ни к чему – уцепятся и не отпустят, а потом мучайся с такими всю жизнь. Однако же и простолюдинкой его фиктивная жена не должна быть, иначе общество не поймёт, и не видать Каю герцогского титула, как ушей своих. Задачка.

Вырисовывались две проблемы: как всё-таки договориться с эрром Хайдсток о расторжении помолвки, и где найти непривередливую дворянку из обедневшего рода, которая согласится на условия и с которой будет не стыдно появляться в свете.

Наконец найдя нужное письмо в кипе новой почты, Кай сломал восковую печать с гербом рода Хайдсток, и ухмыльнулся, пробежавшись глазами по строкам.

– Ашерон! – кликнул дворецкого, который тут же появился, словно возникнув из ниоткуда. – Подготовь коня.

– Как прикажете. – степенно поклонился тот.

Кай терпеть не мог кареты. В них всегда было душно и неудобно, поэтому он пренебрегал ими по мере возможности, иногда даже вопреки этикету. Лошадей же, напротив, с детства любил, а во время прохождения военной службы так и вовсе, кажется, прирос к седлу. Теперь же некоторые считали это проявлением неуважения, но эрр Хайдсток успел неплохо изучить предполагаемого зятя, и на подобные нюансы научился закрывать глаза.

Разговор их вышел на удивление недолгим, потому что оба собеседника успели хорошо обдумать своё решение. Эрр долго не хотел отпускать такой перспективный вариант, но он видел и понимал, что молодой граф не отступится, и может использовать немалые ресурсы, чтобы добиться у суда и жрецов разрыва магической помолвки в одностороннем порядке. Такой скандал мог стать страшным пятном на репутации рода Хайдсток, поэтому князь выбрал меньшую из зол, сожалея, что не настоял на скорейшей свадьбе, когда ещё был жив отец нынешнего графа Рохана. Этого он даже немного побаивался – не зря ведь этот молодой человек слыл могущественным, скрытным и едва ли не тёмным магом, враги и конкуренты которого так или иначе «волшебным» образом оставались далеко за бортом?… Как бы то ни было, проверять правдивость этих слухов на себе трусоватому эрру Хайдсток не хотелось категорически.

После того, как они провели несложный ритуал расторжения договорённостей, оставалась последняя формальность: граф должен был сам рассказать бывшей невесте о случившемся.

Кай равнодушно отнёсся к этому – надо так надо. Ему было всё равно, как воспримет неожиданную новость Вайолет, которая смотрела на него как на какой-то приз и не вызывала совершенно никаких положительных эмоций. Поэтому он спокойно шёл в строну женской половины поместья, размышляя уже о соотношении сил в парламенте, когда на повороте случайно столкнулся с кем-то.

Маленьким ураганом, врезавшимся в него, оказалась хрупкая миловидная девушка в недорогом, но опрятном зелёном платье почти того же цвета, что её широко распахнутые, будто вечно немного удивлённые глаза, обрамлённые веером тёмно-коричневых ресниц. Маленький прямой нос, похожие на мандаринные дольки розовые губы, аккуратно уложенные соломенно-русые волосы, милый румянец и тонкие светлые брови вразлёт. Нора почти не изменилась. Вот только в глазах её, когда она его узнала, не было прежнего

тепла и доверчивости – только ледяное раздражение. Вдобавок ко всему она выронила блюдце с кофе и – как удачно! – прямо на его камзол, что не улучшило и без того не слишком-то радужное настроение.

– И почему я не удивлён? – фыркнул он, удивляясь какому-то отвратительному чувству, которое всегда ворочалось внутри, когда она так на него смотрела. С каких пор его волнуют чьи-то там взгляды, чья-то неприязнь?

«Хм. С тех самых» – ехидно подсказало подсознание.

– Может, потому что у снобов вроде вас эмоциональный диапазон меньше, чем у зубочистки? – дерзко ответила та.

Кажется, даже её нарочито презрительная ухмылка бросала вызов.

– Неужели ты знаешь названия средств гигиены? Вот тут действительно удивила. – Кай сам не понимал, почему так легко поддаётся её провокациям – другим это сделать не так уж просто.

Девушка угрожающе сузила глаза, что в её исполнении всегда его забавляло.

– Может, таки уберёшь это пятно? Ты, кажется, маг-бытовик.

Искреннее возмущение, отразившееся на её живом и подвижном лице, прямо таки радовало душу – она не умела скрывать эмоции от слова «совсем».

– А вы, кажется, были лучшим адептом на курсе? Вот и проявите самостоятельность. Открою вам велииикую тайну: убрать свежее пятно может любой маг при наличии хотя бы толики ума и фантазии… хм, хотя да, о чём это я. Эрра ждёт вас в саду. – выдав эту замечательную отповедь, девушка гордо удалилась, будто палку проглотив.

Тем не менее, взгляд намертво прилип к её идеально прямой спине, а на губах заиграла весёлая, чуть насмешливая улыбка. Как всегда после таких вот их пикировок, которые в последнее время стали довольно частыми.

Где-то на задворках сознания тенью мелькнуло знакомое сожаление. Пожалуй, она была единственной девушкой, сумевшей вызвать в нём эту эмоцию. Не то чтобы он умирал от чувства вины, но она была одной из немногих пассий, которая интересовала его не только как постельная игрушка, но и немного как человек. Приятная, искренняя, неунывающая и временами остроумная, она отличалась от других, и хотя она не убила его уверенность в том, что весь этот «бред с любовью», как он называл отношения, является блажью легкомысленных идиотов, с ней было не жалко проводить время, с ней было интересно, с ней было хорошо… во всех смыслах. Оказавшаяся неожиданно необычной, она тогда увлекала его, как интересный эксперимент, или, может, даже чуточку больше. И он действительно поступил с ней некрасиво, по крайней мере, с её точки зрения.

Лениво размышляя об этом, Кай вдруг замедлил шаг, кое-что вспомнив и вновь как-то странно посмотрев вслед Норе, давно уже исчезнувшей из поля зрения.

* * *

Алиенора

Путь до нашего родного поместья занял двадцать минут, потому что в данных обстоятельствах я не могла позволить себе даже оплатить проезд. Впрочем, подобные мелочи уже перестали волновать, я даже находила удовольствие в такой вот вынужденной прогулке с утра и вечером. Иногда приходилось оставаться на ночь в шикарном поместье Хайдстоков, в общих комнатах для слуг, но я старалась делать это как можно реже, потому что не привыкла к такому количеству людей в своей спальне, и потому что моё присутствие успокаивало маму.

С тех пор, как мой сводный брат Джонатан начал этот треклятый судебный процесс, дабы отобрать у нас последние крохи, мы с мамой окончательно потеряли покой. Впрочем, мы его потеряли ещё раньше, когда папа год назад погиб на охоте. Он был заядлым охотником, но в тот раз обычно сопутствующая в этом деле удача изменила ему. Наша спокойная счастливая жизнь испарилась, как дым, в тот самый день, когда его окровавленное тело принесли домой. Я об этом узнала в Академии, и не поверила своим глазам, когда прочитала письмо.

Мне казалось, у меня галлюцинации на почве трудоголизма… Помню, я чуть не упала с подоконника, на котором сидела, вся кровь схлынула куда-то в пятки, и вдруг стало нечем дышать…

Мы ведь были счастливы. Я, мама и папа. Когда я была маленькая, меня баловали, как принцессу – зацеловывали, заобнимали, дарили лучшие игрушки и платья. Мы были не то чтобы богатыми, но вполне обеспеченной семьёй. Папа часто мне рассказывал про своих предков, показывал внушительное родовое древо, и я не понимала, почему к представителю древнего рода, пускай и всего лишь барону, общество относится с плохо скрываемым презрением. Выдвигала на этот счёт разные фантастичные теории, пока мама с горькой улыбкой не рассказала мне правду.

Отец был женат на купеческой дочери, когда познакомился с моей мамой. Тот брак был навязан ему родителями, когда ему было всего семнадцать, но, благо, не был закреплён магически, потому что оба его родителя магами не были, и родители невесты тоже. Принцип «стерпится-слюбится», на который любят ссылаться все мало-мальски относящиеся к знати семьи, здесь не сработал, между супругами не было даже элементарного уважения. К слову, я вполне могу понять, почему так получилось, так как знакома с папиной бывшей женой. Это вздорная, крикливая и желчная особа, которая, кажется, холит и лелеет обиду за что-то на весь мир. Конечно, это моё личное мнение, но, как бы то ни было, единственной ниточкой, связывающей отца с первой женой, был Джонатан. Он ранний ребёнок – отцу было восемнадцать, а его жене шестнадцать, когда он появился на свет, поэтому к тому моменту, когда папа решился на развод, брат уже был старшеклассником магической школы. Более того, подавал большие надежды, обладая большим потенциалом, и ему оставалось всего два года до шестнадцатилетия – именно с этого возраста маг считается совершеннолетним.

И всё же отец долго раздумывал, прежде чем решиться на этот шаг, потому что это означало бы страшный скандал и разрыв всех связей. Во-первых, развод в кругах знати в принципе явление крайне редкое, ибо браки в основном магические, ну и порицаемое. Особенно такое событие ударяло по репутации жены – её презрительно называли «брошенкой» и не звали замуж даже с большим приданым. Отцу пришлось заплатить огромное откупное и лишиться большей части своего благосостояния, но главной проблемой было всё же не это, а мамино происхождение. Она – фаон, потомок рабов. Как и я отчасти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/akulova_anastasiya/zamuzh-podshofe

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити